

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.М. МИХАЙЛОВА «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»¹

М.В. АНТОНОВ,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала
НИУ ВШЭ, к.ю.н.

В настоящей работе² дается развернутая рецензия на недавнюю книгу сотрудника Института государства и права РАН А.М. Михайлова. Автор рецензии разбирает философские основания проведенного А.М. Михайловым анализа взаимосвязи идеологии и правоведения. В рецензии подчеркивается значимость рассматриваемой книги, но при этом обращается внимание на некоторые спорные положения. Эти положения, в частности, касаются определения и функций идеологии, описания базовых тезисов нормативизма, социологизма и других типов правопонимания.

Ключевые слова: методология, философия права, идеология, теория права, ценности, аксиомы, методы познания, естественное право, правовые принципы, нормативность права.

Академичное название этой книги способно ввести в заблуждение читателя, который мог бы ожидать под таким наименованием изложение случайных мыслей, что в отечественной правовой науке обычно прячется за очередными «актуальными вопросами...». Вопреки своему названию, книга имеет вполне четко определенный предмет и структуру, а автор выстраивает свои рассуждения вокруг одной из сложнейших проблем философии права и политической философии. Речь идет о попытке реконструировать и проанализировать концептуальную связь между методологическими основаниями разных подходов к праву («типов правопонимания»), соответствующими имплицитными или эксплицитными идеологическими предпочтениями сторонников таких подходов, используемыми методологическими принципами и приемами.

Комплексный анализ этой проблемы в контексте типологии правопонимания и методологии научного познания права предпринимается в научной литературе постсоветского времени впервые,³ хотя сам по себе вопрос о взаимосвязи между правом, госу-

© М.В. Антонов, 2017

¹Настоящая работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант по проекту № 15-03-00345).

²Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М.: Юрлитинформ, 2016. – 464 с.

³См. более ранние исследования автора по отдельным аспектам: Михайлов А.М. 1) Идея естественного права: история и теория. М., 2010; 2) Генезис континентальной юридической догматики.

дарством и идеологией, разумеется, не является новым как в российской теоретической юриспруденции,⁴ так и в зарубежной философии права.⁵ Особенно это направление было развито в правовом реализме и школе критических правовых исследований.

Автор справедливо подчеркивает актуальную необходимость для отечественного правоведения в осмыслении таких вопросов как «соотношение идеологии и науки, идеологическая функция теоретико-правового знания, значение и функции правовой идеологии на различных уровнях и в различных типах правосознания, в механизме правового регулирования, правовой системе, воспроизводстве и развитии доктринального правоведения и юридических практик» (С. 6). Предпринятый им анализ имеет не только теоретическое значение, но и выводит на определенные проблемы правотворчества и правоприменительной практики, даже если автор, к сожалению, в своей монографии не обращается к анализу конкретных примеров из юридической практики и законодательной деятельности, которые могли бы подтвердить некоторые из его предположений.

В работе А.М. Михайлова чувствуется влияние двух отечественных школ: он предпринимает попытку, – возможно, не вполне отрефлектированную самим автором, – совместить методологические разработки уральской школы (Н.Н. Тарасов и др.) и философские рассуждения либертарной школы (В.С. Нерсесянц), к которым этот автор институционально принадлежал в связи с работой в УрГЮУ, а затем в ИГП РАН. Особое внимание к методологической проблематике соотношения догмы, догматики, идеологии и иных структурных элементов правовой науки выдает влияние первой школы, а последовательное акцентирование внимания читателя на конечных принципах права позволяет предположить, что Антон Михайлович если и не является прямым последователем либертарно-юридического правопонимания, то, по меньшей мере, заинтересован циклом проблем, которые обсуждаются в кругу последователей В.С. Нерсесянца.

Вопрос о соотношении права, правоведения и идеологии является неоднозначным не только в нашей стране, где связка науки с идеологией по умолчанию воспринимается как негативная по известным историческим причинам. Негативное отношение к идеологии и ее влиянию на общественную мысль сложилось также в интеллектуальных кругах на Западе, начиная с середины 20 века. Так, Раймонд Арон писал об идеологии как об «Опиуме интеллектуалов» (1955 г.),⁶ заменяющим критическую работу разума на индоктринацию. Печальный опыт коммунизма, фашизма и других форм идеологического контроля дал Даниэлу Беллу основания провозгласить в 1965 году «Конец идеологии»,⁷ требуя сократить или полностью

М., 2012; 3) Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М., 2013.

⁴Напр.: Честнов И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение. СПб., 2009; Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010; Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии. Опыт ретроспективного анализа. М., 2013.

⁵Ср.: Bauman Z. Legislators and Interpreters, On Modernity, Postmodernity, and the Intellectuals. Oxford, 1987.

⁶Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 182-205.

⁷Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Politic Ideas in the Fifties. Cambridge Mass., Harvard University Press, 2000.

устранить влияние идеологии из социальных наук и освободить общества от любого идеологического контроля.

Но в отношениях между наукой и идеологией не все так просто – интеллектуалы зачастую по умолчанию принимают определенные идеологические постулаты как аксиомы и на этой аксиоматической базе иногда некритически строят свои теоретико-правовые концепции.⁸ В своей книге А.М. Михайлов приводит множество примеров как из истории правовой мысли, так и из современной правовой науки, которые свидетельствуют о влиянии идеологии на концептуальные построения не только в философии права, но и в сравнительном правоведении, теории конституционализма и в других областях правового познания. С другой стороны, можно проследить некоторые смысловые взаимосвязи между исходными методологическими постулатами, как, например, предположение о существовании естественно-го, надпозитивного права, и такими политическими следствиями как утверждение врожденности и неотчуждаемости основных прав. Этому интересному и поучительному анализу посвящен первый раздел рецензируемой книги («Природа, функции и значение правовой идеологии». С. 9-126).

Если все же можно признать, что данный раздел убедительно раскрывает функции и значение правовой идеологии (название раздела не совсем удачно отражает его содержание: автор рассуждает о взаимосвязи правовых доктрины, традиции, догматики и идеологии, уделяя трем первым предметам отнюдь не меньшее внимание, чем четвертому), этого нельзя сказать об исследовании природы правовой идеологии. Похоже, что автор рассматривает правовую идеологию именно как аксиоматическую основу для философских конструкций, и на этом предположении строит свои дальнейшие рассуждения. Он дает ряд дефиниций правовой идеологии, из которых, как кажется, следующая наиболее полно отражает его подход: «Правовая идеология представляет собой систему идей, призванную создать и обеспечить воспроизводство соответствующих определенному идеалу установок, убеждений, устойчивых представлений в сознании адресата» (С. 54). С этой точки зрения, «правовая идеология призвана формировать юридическую аксиоматику, фундаментальный уровень мировоззрения юристов» (С. 59). Утверждая, что идеология суть искусственная ментальная конструкция, автор все же не проясняет важнейшего в этом отношении вопроса об онтологическом статусе идеологии и, соответственно, соотношении правовой идеологии и правовой реальности.

В этом вопросе можно занять две противоположные позиции (с возможностью промежуточных вариантов). Если идеология есть «ложное сознание» (в терминологии Энгельса и сторонников марксистской философии), «оторванный от реальности фантазм» (С. Жижек), и если идеологию, вместе с К. Манхеймом, определять как «совокупность представлений более или менее осмысляющих реальную действительность, истинное познание которой вступает в противоречие с интересами того, кто предлагает саму идеологию»,⁹ то каково отношение между правовой идео-

⁸Граммши А. Искусство и политика. М., 1991. Т. 1-2.

⁹Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с англ. и нем. М.И. Левина. М., 1994. С. 52. В том же духе К. Ясперс пишет, что идеология суть «система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на осно-

логией и правовой реальностью? Следуя названным авторитетам, можно предположить, что правовая идеология скорее искажает правовую реальность (и такие ее элементы, как доктрина и догма), чем корреспондирует ей. Но тогда логично было бы предположить, что идеология не содействует научному знанию о праве, а скорее затрудняет процесс познания, что не соответствовало бы замыслу автора показать значение идеологии для развития системы научных и философских представлений о праве. А.М. Михайлов определенно считает, что идеология выполняет важную объективирующую функцию в правопознании и что она лежит в основе научных представлений о праве: «Именно правовая идеология за счет синтетической природы идей способна определить догму действующего права и корпус юридического знания как единое целое, сложноорганизованную систему, покоящуюся на согласованном комплексе принципов права, имеющую особую логику строения и действия» (С. 101).

Здесь остается без ответа ключевой онтологический вопрос о том, что является собой та объективация или «оестествление», о которых столь патетично пишет автор, говоря о той роли, которую идеология играет в правопознании. Идет ли речь о нарративах, которые беспредметны и не отсылают к конкретным сущностям (о чем говорили еще софисты, предполагая, что все разговоры о справедливости суть уловка для обмана простаков), либо же эта объективация указывает на некие объективные начала права, которые обнаруживаются при помощи идеологии, философии, теории, догматики и иных описываемых автором средств познания? Я не нашел в рецензируемой книге четкой авторской позиции по этому вопросу, хотя склоняюсь полагать, что автору скорее ближе вторая альтернатива.

А.М. Михайлов не рискует напрямую признать пользу умозрительных рассуждений юснатурализма или историцизма и даже пытается провести различие между спекулятивным и научным мышлением (С. 336-350). Однако в некоторых местах книги можно встретить характерные высказывания: «Ценностные основания профессионального сознания юристов могут транслироваться в стихийно-естественном ключе» (С. 53), судопроизводство «порождает целый спектр естественных юридических конструкций, используемых наподобие правил языка на неосмысленном, стихийно встроенном в практику уровне» (С. 79), метафизический подтекст которых мог бы вызвать сомнения в ракурсе защищаемого автором социального конструктивизма. Не случайно он подчеркивает ценность спекулятивной философии права для переходных обществ, включая российское: «Через обращение к философским спекуляциям юристы, как правило, выстраивают основания правовой идеологии для формирования ценностно-целевого фундамента действующей правовой системы, который придает ей осмысленность, единство и устойчивость» (С. 349-350). Боюсь, что приводимый автором здесь пример тяги российского правоведения конца 1980-х / начала 1990-х к спекулятивному познанию никак не подтверждает

ве которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего самооправдания, для маскировки своих подлинных интересов... Наименование какого-либо мышления идеологией – это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине, что оно неправдоподобно» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 146-147).

тезиса о придании осмысленности и устойчивости правовой системе. Да и в целом, польза от чуждых логике, опыту и здравому смыслу спекулятивных рассуждений довольно сомнительна.

Возможно, автор в этом отношении мог бы возразить, что он не придерживается корреспондентной теории истины и не рассматривает правовую реальность как объект, обладающий некими объективными свойствами, описываемыми в категориях истинности. Он, действительно, утверждает, что «правовая действительность не существует естественным образом как выражение объективно существующего закона мироздания или аналитически выделяемого аспекта социальной материи, она создается целесообразной деятельностью юристов и ее природа носит сконструированный, ментальный характер» (С. 82), что «правовая действительность носит искусственный характер: является результатом деятельности профессионального сознания по определенным правилам и не обусловлена естественно данным, существующим в обществе содержанием» (С. 88). Однако автор считает, что в такой перспективе невозможно ответить на вопрос об обязывающей силе права: «Если право исключительно рукотворно, конвенционально, производно от политической силы и в нем нет никаких объективных оснований, то тогда и нет весомых, неоспоримых оснований его соблюдать» (С. 32). В этом с ним можно не согласиться, поскольку можно обосновать обязывающую силу права (действительность права) с учетом релятивности правовых принципов и при отрицании морального объективизма (например, Г.Л.А. Харт или Р. Дворкин).

Особую роль в утверждении обязывающей силы (действительности) права играет идеология. Автор рассматривает идеологию как нормативное явление наивысшего порядка, которое подавляет индивидуальное сознание и позволяет перенести ответственность за принятие решений с индивида на трансцендентные формы (С. 23), перенести «человеческую intersубъективность на некое объективное, всеобщее, неизменное первоначало права» (С. 32). Создается впечатление, что для автора такая объективация предстает как необходимость в плане обоснования действительности права: «Без определенной степени объективации права психическое принуждение, имманентное правовому регулированию..., становится голой силой, повисает в воздухе для критического индивидуального сознания» (С. 33). Идеология даже оказывается сродни религии: «Основные полагания идеологической системы воспринимаются носителем идеологического сознания не просто в качестве ценностей, но предстают для него самоочевидными истинами, символами веры, рефлексирующее прикосновение к которым невозможно» (С. 26). Хотя далее автор описывает доктрину и догматику примерно в тех же самых терминах мировоззренческих ориентиров и присваивает им схожие нормативные функции (С. 72, 76).

В рассуждениях автора не совсем понятно, кто именно является «носителем идеологического сознания»: только ли Г.В. Мальцев и И.Н. Грязин, которых в этом месте приводит в пример автор, либо же все люди в силу своей принадлежности к определенной эпохе, культуре, мышлению являются такими «носителями». Этот второй тезис, к которому, похоже, склоняется сам автор, выглядит явным преувеличением, а комментарии о том, что «юспозитивисты убеждены, что действительность официального права есть объективный факт»..., а «представители социологического подхода безусловно убеждены в объективном существовании живого

права непосредственно в общественных отношениях» (С. 27), не относятся к Г. Кельзену, Г.Л.А. Харту и другим лидерам позитивной философии права, к О. Эрлиху, Г.Д. Гурвичу, Н.С. Тимашеву и другим классикам социологии права, которых никак нельзя упрекнуть в том, что они «не сознавали того, что само общество и социальные отношения не существуют как некая феноменальность, вещь-в-себе, не зависящая от сознания, а, напротив, порождаются и воспроизводятся благодаря означаемому сознанию» (С. 27).

Одним из аксиоматических тезисов автора является то, что «природа идей такова, что они способны организовывать как мышление, так и деятельность» (С. 97). Мы можем пока оставить в стороне вопрос об объективности этих идей, но нам не уйти от вопроса об эвристической ценности обосновываемого автором деления: если догма, догматика, идеология, философия, теория (этот список можно было бы продолжить) отличаются друг от друга только уровнем в воображаемой иерархии идей и социальных конструктов, то что эта иерархия прибавляет к нашему знанию о праве? Приведенная автором таблица сходств и отличий правовой доктрины и юридической догмы (С. 91) вызывает некоторое удивление. На чем основаны утверждения о том, что доктрина действует при помощи спекуляций, а догма – при помощи толкования; почему доктрина создает юридические понятия, а догма – официальный язык права; почему догма отсылает к безусловным авторитетам, а доктрина – к корпоративным, и т.п.? Здесь автору, как кажется, не удалось обосновать логику и практическую ценность вводимого им словоупотребления, которое, по моей оценке, расходится со словоупотреблением, принятым в юридических сообществах.¹⁰ Например, далеко не все представители доктрины согласятся с тем, что их основной метод – теоретическая спекуляция и что для них не важно целесообразное разрешение практических ситуаций перед судом.

Даже становясь на позиции социального конструктивизма, следует принимать во внимание необходимость обоснования предметного различия между различными конструктами. Именно это и пытается сделать автор в своих рассуждениях о различиях между догмой, доктриной, традицией и идеологией (в третьем разделе к этому списку добавляются также философия и теория). Это различие, если я правильно понял точку зрения автора, он видит в степени объективации этих ментальных конструктов, отводя правовой идеологии роль «механизма оестествления правовой действительности» (С. 89). Вопреки Ясперсу, Манхейму и другим мыслителям, автор предлагает рассматривать идеологию как нечто, вносящее объективность в познание, хотя бы эта «объективность» и была сконструирована. Не является ли это шагом назад в философско-правовом аспекте; не возвращаемся ли мы к Гроцию, Пуфендорфу и другим теоретикам естественно-правового подхода (и его современных аналогов), суть учений которых как раз и состояла в том, чтобы сконструировать вечные и неизменные принципы права, «оестествить»/объективировать его и тем самым наделить нормативностью, то есть обязывающей силой? За последние

¹⁰То же самое касается и понятия «идеология»: в обсуждении этого вопроса автор очень мало ориентируется на то, в каком смысле это понятие употребляется в политической философии. См. подробный и глубокий анализ словоупотребления и смысловых контекстов: Летягин Л.И. Философия идеологии. Екатеринбург. 2014.

две сотни лет много было сказано о ложности (или, по меньшей мере, некорректности) такого видения права и о том, что такого рода «идеология» не только ничего не прибавляет к нашему знанию о праве, но и уводит нас в сторону от предметной аргументации.

Пытаясь вникнуть в строй идей автора и перенести их на известные мне примеры, я не смог найти твердых и понятных критериев, чтобы отнести то или иное высказывание, философско-правовое учение, теоретико-правовую конструкцию и т.п. либо к идеологии, либо к догме/догматике. Кем являются Уильям Блэкстон, Эдвард Коук и другие английские юристы, которым автор недавно посвятил замечательную книгу:¹¹ доктринерами, философами, догматиками, идеологами, теоретиками или, скорее, сразу всем? Является ли идеологией/догмой/догматикой чистое учение о праве Кельзена, концепция социального права Гурвича или иные философско-правовые построения? Большая часть известных мне построений, включая и те, что называют правовой догмой/догматикой (скажем, учения о юридическом лице, конституционном контроле или международной правосубъектности), содержат в себе и очевидные идеологические элементы. И, наоборот, многие (хотя и не все) философские концепции имеют, наряду с идеологическим подтекстом, свои доктринальные, догматические следствия (например, анализ Кельзенем прикладных вопросов международного права, конституционного права и иных отраслей, исходя из его позитивистской философии). После прочтения первого раздела рецензируемой книги остается больше вопросов, чем ответов.

После предпринятых в первом разделе рассуждений о доктрине, идеологии, традиции, догме и иных формах правового мышления, во втором разделе автор обращается к анализу идеологических постулатов различных философских подходов к праву. Этот раздел, где последовательно рассматриваются юснатурализм, юспозитивизм, историцизм и социологизм, образует собой смысловой центр рецензируемой книги. Здесь автор удачно раскрывает значимость отдельных идеологических постулатов для соответствующих типов правопонимания, проводит убедительные смысловые параллели между идеологическими постулатами и философскими концепциями. Даже не соглашаясь с автором в некоторых его суждениях, нельзя не признать глубины и продуманности этого раздела, его новизны и значимости для отечественной теоретической юриспруденции.

В качестве основного недостатка авторского анализа здесь можно назвать чрезмерную схематичность описания философско-правовых концепций, что иногда приводит к спорным суждениям. Так, автор приводит подробную, но очень сомнительную сравнительную таблицу воззрений юридического позитивизма и социологической юриспруденции (С. 204-209). Я затрудняюсь сказать, какой позитивизм имел в виду А.М. Михайлов (возможно, первый позитивизм в духе Бентама / Остина), но он явно рассуждает не о позитивизме Кельзена, Харта, Вайнбергера или Булыгина. Автор находит, что юспозитивисты «убеждены, что право едино в пределах государственной территории», «признают существование права лишь в государственно оформленных обществах», «сводят содержание права к официальным текстам государства», «считают, что право действует автоматически», «склон-

¹¹Михайлов А.М. Очерки теории и истории английского права. М., 2015.

ны придерживаться традиционного (статического) подхода к толкованию правовых текстов» и проч. (С. 210-212). Не составит особого труда найти в «Чистом учении о праве», «Понятии права» и других классических работах юспозитивистов места, которые однозначно опровергают подобные тезисы – любопытно даже отметить, что опровержение такого «этактистского мировоззрения» (С. 217) ставили своей целью как Г. Кельзен, так и Г.Л.А. Харт. Та же слабость характерна и для других схематических рассуждений автора (например, о соотношении исторической и естественно-правовой школ: С. 109; философского познания и научного исследования: С. 342 и др.).

Нетрудно найти подобные некорректные интерпретации юридического позитивизма и других западных философско-правовых концепций на страницах сочинений некоторых отечественных правоведов. Смешно, а иногда и печально видеть, как такие правоведы мастерят чучела позитивизма, социологизма и других «типов правопонимания», набивая эти чучела случайно найденными и нередко некорректно переведенными цитатами, после чего обрушивают удары критики на созданные ими чучела и при этом изобретают некий свой «тип правопонимания», который призван дать спасительный синтез идей и методов, преодолевая ошибки предшествующих философских подходов. К счастью, этого нельзя сказать об авторе рецензируемой книги, и хочется ему пожелать избежать подобного тернистого интеллектуального пути.

Настороженность вызывает то, что некоторые нотки такого подхода заметны и на страницах рецензируемой книги. Например, когда автор упрекает западную аналитическую юриспруденцию в том, что она представляет догму права «исключительно в виде технического, ценностно нейтрального компонента профессионального юридического знания, лишённого идейных начал и установок» (С. 96) и начинает доказывать, что «юридическая догматика всегда формируется, воспроизводится и развивается в определенной картине мира, схватывает фундаментальные идеи той или иной исторической эпохи...» (Там же), складывается впечатление, что автор воюет с ветряными мельницами. У.Н. Хофельд, Г.Л.А. Харт, Дж. Раз, Е.В. Булыгин были далеки от тезиса о «лишенной идейных начал» догме права и не думали спорить с тем, что догма/юриспруденция формируется в зависимости от социальной среды, ментальности, истории¹² (кстати, для Харта это было одним из основных направлений его исследований).

Схожие проблемы характеризуют рассуждения автора касательно формальной логики. Ссылаясь на «антропогенность объекта гуманитарных исследований», «историко-культурную однократность и уникальность» правовых явлений (С. 368), автор утверждает о небольшой значимости правил и приемов формальной логики в науке о праве и отдает свое предпочтение «огромному количеству нестрогих облаков смыслов, полисемичных терминов, адекватно в языке не выраженных, контекстуально проявляющихся ценностных полаганий» (С. 370) перед строгостью формаль-

¹²Странно, что А.М. Михайлов ограничил свое исследование аналитической юриспруденции И. Бен-тамом и Дж. Остином (С. 183-186), хотя традиции этого направления гораздо шире. Ср.: Twining W. Have concepts, will travel: analytical jurisprudence in a global context // International Journal of Law in Context. 2005. № 1 (1). P. 5-40.

ной логики. Действительно, некоторые концепции некоторых правоведов страдают серьезными ошибками в плане формальной логики, стремясь компенсировать эти ошибки головокружительными схемами в облаках смыслов, но это не делает их сколько-нибудь лучше или предпочтительнее. И таких правоведов, к сожалению, не мало. Критикуя в общем и целом формальную логику в праве, автор не рассматривает конкретные теории Жоржа Калиновски, Отты Вейнбергера, Евгения Булыгина, Джованни Сартора и других выдающихся правоведов, предложивших убедительные концептуальные схемы применения логики в праве.¹³ В посвященной этому вопросу небольшой главе (С. 364-370) он не останавливается предметно ни на одной концепции, ограничиваясь общими рассуждениями о постклассической науке, а в качестве формальной логики рассматривает только аристотелевскую логику, не обращая внимания на другие, более поздние формальные приемы логического исчисления.

Можно объяснить экзистенциальные обстоятельства, которые приводят некоторых правоведов, воспитанных в советской школе, к затруднениям при восприятии и оценке зарубежной правовой мысли. Но почему А.М. Михайлов, получивший образование за рубежом и свободно говорящий по-английски, вместо первоисточников обращается к случайным цитатам, встречающимся во вторичных (в лучшем случае) источниках на русском языке, мне непонятно. Иногда использование вторичных источников и вовсе иррационально. Так, автор с воодушевлением многократно цитирует «Основоположение социологии права» Ойгена Эрлиха, но почему то игнорирует русский перевод, вышедший за пять лет до публикации рецензируемой книги,¹⁴ и обращается ко вторичным источникам.¹⁵

Но эти критические замечания касаются скорее технических моментов, которые автор, несомненно, сможет усовершенствовать в последующих публикациях, и не ставят под сомнение важность и глубину предпринятого автором анализа. В рецензируемой книге А.М. Михайлову удалось найти хороший ракурс для обсуждения проблем связи правопонимания, методов правопознания и правовой идеологии – а именно через рассмотрение содержания юридических доктрин, теорий, традиций и иных результатов интеллектуального творчества юристов. Эти результаты, несомненно, несут на себе отпечатки времени и места, даже если они претендуют на абсолютный характер и вневременное значение. Рассуждения правоведов не свободны от аксиоматических допущений и иногда от предрассудков, на них откладывают отпечаток идеологии, ми-

¹³Ср. интересные рассуждения профессора Булыгина на этот счет: Булыгин Е.В. 1) Логика и право // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Пер. с англ., нем. и исп. М.В. Антонова и др. СПб., 2016. С. 73-79; 2) Границы логики и аргументация в праве // Там же. С. 154-182; 3) На что способна логика в праве: не на все, но на многое. Ответ Сьюзан Хаак // Там же. С. 445-452.

¹⁴Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова. СПб., 2011.

¹⁵Энергия, с которой А.М. Михайлов искал цитаты из «Основоположения» Эрлиха во вторичных источниках, достойна удивления. Наряду с цитированием немецкого оригинала 1913 года и английского перевода, автор приводит цитаты из «Основоположения», найденные сочинениях Завадского, Синха, Редько, Тихонравова, Глазырина, Кузнецова, Ярославцева и проч. Не меньшее удивление вызывает и цитирование (С. 291) отрывков из труда Савиньи «Призвание нашего времени к законодательству и юриспруденции» по монографии Буткевича, ссылающейся на английский перевод. Эта работа также доступна в русском переводе; например, во втором томе «Системы современного римского права» в переводе Г. Жигулина (М., 2012).

ровоззренческие парадигмы и другие ментальные конструкции, распространенные в тех обществах, в которых живут эти правоведы. Автор подметил много важных моментов, обуславливающих связь между мировоззрением, идеологией, методологией и правовыми концепциями. Причем изложение в рецензируемой книге построено на рассмотрении конкретных философско-правовых представлений («типов правопонимания») и представляет много ценного иллюстративного материала. В этом заключается основное значение монографии А.М. Михайлова, которая станет ценным подспорьем для философов, политологов, правоведов и всех тех, кто изучает сложную диалектику отношений между идеологией и научными разработками интеллектуалов.

М.В. Антонов. «Құқықтық идеология теориясының және құқықтану әдістемесінің өзекті сұрақтары» атты А.М. Михайловтың кітабына сын пікір.

Бұл жұмыста Ресей Ғылым Академиясы мемлекет және құқық Институтының қызметкері А.М.Михайловтың жакында жарық көрген кітабына толыққанды сын пікір беріледі. Сын пікір авторы А.М. Михайловтың идеология мен құқықтанудың өзара байланыстылығына қатысты жүргізген талдауының философиялық негіздерін ашып көрсетеді. Сын пікірде кітаптың маңыздылығы, сондай-ақ кейбір даулы тұстары да қатыстырылады. Бұл ережелер идеологияның анықтамалары мен функцияларына, нормативизм, социологизм және құқық түсінуінің өзге де типтерінің негізгі тезистеріне қатысты.

Түйін сөздер: әдістемелік, құқық философиясы, идеология, құқық теориясы, құндылықтар, аксиомалар, тану әдістері, табиғи құқық, құқықтық қағидалар, құқықтың нормативтілігі.

M. Antonov: Review of the book: Mikhailov «Actual Questions of Theory of Legal Ideology and Methodology».

This paper is a review of the recent book written by Anton M. Mikhailov, the member of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. The author of the review considers the philosophical premises of the correlation between ideology and science of law that was analysed by Mikhailov. The review underscores the relevance of the book in question, and at the same time it draws attention to certain disputable issues. Among these issues are such as the definition and the functions of ideology, the description of the basic tenets of normative jurisprudence, sociological jurisprudence and other approaches to law.

Key words: Methodology, legal philosophy, ideology, legal theory, values, axioms, methods of cognition, natural law, legal principles, normativity of law.

Библиография:

1. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., Юрлитинформ, 2016. – 464 с.
2. Михайлов А.М. Идея естественного права: история и теория. М., 2010.
3. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
4. Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М., 2013.

5. Честнов И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение. СПб., 2009.
6. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.
7. Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии. Опыт ретроспективного анализа. М., 2013.
8. Bauman Z. Legislators and Interpreters, On Modernity, Postmodernity, and the Intellectuals. Oxford. 1987.
9. Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 182-205.
10. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Politic Ideas in the Fifties. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 2000.
11. Грамши А. Искусство и политика. М., 1991. Т. 1-2.
12. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с англ. и нем. М.И. Левина. М., 1994.
13. Михайлов А.М. Очерки теории и истории английского права. М., 2015.
14. Twining W. Have concepts, will travel: analytical jurisprudence in a global context // International Journal of Law in Context. 2005. № 1 (1). P. 5-40.
15. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова. СПб., 2011.

References (transliterated):

1. Mihajlov A.M. Aktual'nye voprosy teorii pravovoj ideologii i metodologii yurispru-dencii. М., Yurlitinform, 2016. – 464 s.
2. Mihajlov A.M. Ideya estestvennogo prava: istoriya i teoriya. М., 2010.
3. Mihajlov A.M. Genezis kontinental'noj yuridicheskoy dogmatiki. М., 2012.
4. Mihajlov A.M. Sravnitel'noe issledovanie filosofsko-metodologicheskikh osnovanij estestvenno-pravovoj i istoricheskoy shkoly pravovedeniya. М., 2013.
5. Chestnov I.L. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: teoretiko-metodologicheskoe vvedenie. SPb., 2009.
6. Varlamova N.V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendencii razvitiya teorii prava. SPb., 2010.
7. Kornev A.V. Gosudarstvo i pravo v kontekste konservativnoj i liberal'noj ideologii. Opyt retrospektivnogo analiza. М., 2013.
8. Bauman Z. Legislators and Interpreters, On Modernity, Postmodernity, and the Intellectuals. Oxford. 1987.
9. Aron R. Opium intellektualov // Logos. 2005. № 6 (51). S. 182-205.
10. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Politic Ideas in the Fifties. Sambridge Mass.: Harvard University Press, 2000.
11. Gramshi A. Iskusstvo i politika. М., 1991. Т. 1-2.
12. Manhejm K. Ideologiya i utopiya // Manhejm K. Diaognz nashego vremeni / Per. s angl. i nem. M.I. Levina. М., 1994.
13. Mihajlov A.M. Oчерки teorii i istorii anglijskogo prava. М., 2015.
14. Twining W. Have concepts, will travel: analytical jurisprudence in a global context // International Journal of Law in Context. 2005. № 1 (1). R. 5-40.
15. Ehrlih O. Osnovopolozhenie sociologii prava / Per. s nem. M.V. Antonova. SPb., 2011.